

ДМИТРИЙ КОСЯКОВ

“МОЛОДАЯ” ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ

В начале июня совместно с кафедрой журналистики Московского государственного института культуры Союз писателей России проводил Пятое Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках, объединившее более 300 молодых писателей, организаторов и экспертов из 62 регионов России. Центральным событием совещания стало награждение победителей Всероссийской литературной премии имени Александра Ивановича Казинцева, учредителем которой является журнал “Наши современники”. Произведения многих авторов-участников совещания мы публикуем в 8-м (традиционно “молодёжном”) номере журнала.

Но подобное совещание — это не просто серия мероприятий: семинаров, лекций, круглых столов, поэтических концертов. В нём можно обнаружить логику, “нерв”, даже сюжет. Один из финалистов премии, прозаик и критик Дмитрий Косяков попытался проследить этот сюжет в своей статье.

Редакция

Конец постмодерна

Литературные критики наших дней констатируют смерть постмодернизма. Конечно, постмодернизм на Западе начали хоронить давно, но к нашим литераторам осознание окончания эпохи постмодерна приходит именно сейчас. Причём острее всего ощущают и смелее всего выражают это сознание именно молодые авторы, поэтому их форумы становятся площадками для острых споров. Даже солидные писатели порой, оказавшись на таких собраниях, заражаются общим настроением и высказываются острее, откровеннее.

Главная идея, занимавшая умы участников совещания в Химках, прозвучала буквально с первых минут. В приветственном слове поэт и критик Роман Круглов так и заявил: “Мы выходим из постмодернизма, ибо нас объединяет идея профессионализма, ценностной шкалы в литературе”. Для Круглова постмодернизм — это, прежде всего, отсутствие ценностей, критериев. Для постмодернистского искусства любые авторские высказывания принципиально равноценны. Постмодерн враждебен идее мастерства, всякому ранжированию произведений по качеству, а авторов — по силе и глубине таланта. Постмодернизм толерантен и сознательно неразборчив. Круглов же настаивает на том, что теперь в литературу возвращается представление о “верхе и низе”.

Поддержал его и писатель Даниэль Орлов, но он выразил эту мысль в оппозиции “игра либо нравственное высказывание”. Здесь разговор из эстети-

ки перешёл уже в область морали. Постмодернистское искусство действительно чурается поучения, нравственного воздействия на читателя, считая всё это признаками авторитарности, и предпочитает игру, поскольку игра предполагает условность, соблюдение неких временных правил, которые можно мгновенно менять по желанию любой из сторон. В ситуации игры нравственное высказывание действительно выглядит излишним и нелепым.

При этом Орлов добавил, что “после периода деконструкции наступает период новой сборки мира”. И это ещё один важный штрих: постмодерн действительно занимался деконструкцией, то есть убивающим анатомированием прежних ценностей, идеологий и художественных приёмов. Есть такой анекдот у врачей: “Вскрытие показало, что пациент умер от вскрытия”. Старый мир, мир великих идей, всемирных проектов был препарирован постмодерном. Взамен нам предлагается собрать мир заново, точнее – собрать некий новый мир. Заманчиво предложение, запомним его.

Круглый стол “Пути русской поэзии” выявил некоторые оттенки оппозиции “игра – нравственное высказывание”. В споре одни участники утверждали, что настало время “заняться поэзией всерьёз”, что современному поэту “хочется быть нужным”, участвовать в общественной жизни. Другие настаивали на том, что “мы не знаем, что такое поэзия”, и даже рассказали, что сегодня они испытывают “растерянность, граничащую с немотой”. Получалось, что одни готовы ринуться в гущу общественной жизни, а другие желают сохранить в этом вопросе некоторую неопределённость.

Более обширно, концептуально высказались участники “Критического симпозиума” критики Алексей Татаринов и Анна Жучкова. Каждый из них посвоему констатировал уход эпохи постмодерна и торжество нового направления. При этом Татаринов заявил, что постмодернизм и модернизм – это две вечно сменяющие друг друга стихии. Для модерна характерно построение утопий, для постмодерна – антиутопий. Модерн производит внятное идейное высказывание, постмодерн отказывается от определённости. Соответственно, согласно концепции Татаринова, сегодня мы вступаем в эпоху неомодернизма.

Но, как и всякая “всеобъемлющая схема”, взгляд Татаринова вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Пытаясь обосновать свою идею, Татаринов принялся записывать в неомодернисты всех подряд: и Сорокина, и Пелевина, и Лимонова, и Улицкую. С какой же это стати, если Сорокин и Пелевин совершенно очевидные антиутописты и по концепции Татаринова отчётливо ложатся в определение постмодернизма? Татаринов заявляет, что у этих авторов есть определённый идейный посыл. Но, простите, у антиутопии всегда есть определённый посыл. И с этой точки зрения антиутописты Оруэлл, Замятин, Хаксли должны быть причислены к модернистам.

Против взгляда Татаринова выступила Жучкова. Она предложила свою периодизацию: в истории искусства (и человечества) друг друга сменяют не модерн и постмодерн, а периоды рациональности и иррациональности. Сегодня закончился не просто постмодернизм, а “постсоветский мир”, выражением которого для нас стал наш постмодернизм. Что же началось взамен? Жучкова выдвигает свой всеохватный термин “новая архаика” и мобилизует в её ряды всех подряд. Здесь её позиция оказывается не менее уязвимой, чем у Татаринова: у него “неомодерн”, у неё – “метамодерн”, причём в число представителей “новой искренности” оказываются зачислены даже блогеры, которые, по признанию самой же Жучковой, создают некий рабочий образ, играют перед аудиторией роль. Но, как справедливо ответил на это Татаринов, “дело не в -измах”. Так что мы можем пока суммировать эстетический план наблюдаемого нами перелома.

Противопоставление уходящей эпохи постмодерна и наступающей, новой, пока удачно не поименованной эпохи происходит по следующим “линиям”. Постмодерн – отсутствие всяческих, в том числе и эстетических критериев, как следствие, отсутствие иерархии, представления об эстетической или иной ценности произведения и, следовательно, аморфность культурного поля, в котором нет разделения, но потому принципиально невозможно и объединение.

Постмодернизм – это пустота, пустота как принцип. Как верно отметил Роман Круглов, отсутствие критериев, принципов – это тоже принцип, и на этом непререкаемом принципе строилась предшествующая эпоха. Всякий

текст хорош, всякая картина хороша, и Никас Сафронов ничем не хуже Леонардо да Винчи. Постмодерн отказывается от каких бы то ни было ценностей и потому выдвигает на первый план принцип игры, то, что поэт и писатель Михаил Гундарин образно назвал “пересыпание разноцветного песка”.

Собственно, такая позиция подходит для коммерческой литературы, рассматривающей творчество исключительно как товар. Писатель — это лишь производитель товара, удовлетворяющий тот или иной спрос. “Любой каприз за ваши деньги”. При такой установке писателю даже не полагается иметь какие-либо взгляды и убеждения: он должен быть достаточно “гибким”, чтобы подстроиться под любой вкус, “удовлетворить” любого клиента.

Как протест, отталкивание от эпохи и принципов постмодерна начинает оформляться новая эпоха. Выступая на круглом столе “Существуют ли критерии хорошей литературы?”, поэт и педагог Нина Ягодинцева заявила, что принципами построения художественного текста были и остаются, в частности, иерархичность и “конкретная духовная функциональность”, то есть сверхзадача произведения.

Роман Круглов добавил, что критерии возможны, “только если мы говорим о фундаментальном, всеобщем”. “Мы все говорим серьёзно, нам жалко тратить время на несерьёзные разговоры”, — сказал он. Итак, теперь мы говорим серьёзно, мы ведём разговор о моральных ценностях, о взглядах и идеях. “Пока мы будем стесняться идеологии, мы будем топтаться на месте”, — подчеркнул Круглов.

Что ж, поговорим об идеологии.

Новое Средневековье

До сих пор рассуждения упомянутых теоретиков лично я мог только приветствовать. Давно пора поговорить о ценностях. Но означает ли выход из эпохи постмодерна, что теперь на культурном и общественном поле мы увидим столкновение различных ценностных систем, которые будут стремиться завоевать публику, привлечь аудиторию на свою сторону? Будет ли налажен диалог между представителями разных систем ценностей, или начнётся война на уничтожение? О каких таких ценностях идёт речь?

Неожиданно выясняется, что эта система ценностей у всех критиков примерно одна и та же.

Ещё на вступительном мероприятии финала Всероссийской литературной премии имени А. Казинцева Геннадий Иванов перечислил эти ценности: патриотизм, Бог, русский народ. Так или иначе, более или менее открыто к этой системе примкнули и прочие выступавшие.

Чем характеризуется “новая архаика” Анны Жучковой? Возвратом к ценностям прошлого. Вновь обретают значение понятия “крови и почвы”, сознание писателей снова становится “мифотворческим”, многие, в том числе молодые, писатели сегодня говорят с нами языком мифа, причём миф для них является не формой, не образным рядом для выражения некоего более глубокого содержания, а самой первоосновой реальности. Так же и Нина Ягодинцева считает, что источником всякой оценки, всяких (в том числе литературных) критериев является представление о Боге. И важно — для Жучковой всё принципиально “новое” идёт именно из России. С этим согласен и Алексей Татарinov: по его словам, “мир ждёт, что скажет Россия”.

Притяжение (или давление) этой системы ценностей в культурной сфере оказалось настолько сильно, что организаторы премии даже посвятили отдельное выступление национальной самоидентификации писателей, предоставив слово Михаилу Гундарину. Он занял, очевидно, предельно мягкую позицию, какую только мог себе позволить: “не кровь, а почва”. Это означает, что национальная принадлежность писателя должна определяться не по его биологическому происхождению, а по той системе ценностей, которую он исповедует, по той традиции, которую он продолжает.

“Мы же не расисты”, — резюмировал Гундарин. И сама необходимость этого оправдания уже вызвала тяжёлое чувство. Некоторые же молодые писатели, участвовавшие в программе, сочли выступление критика слишком мягким. Им хотелось, чтобы он твёрже встал на почву национального.

Увы, XX столетие нам показало, что “кровь” бывает нелегко отделить от “почвы”, и то, что начинается как чисто культурное движение, при наличии

определённых условий легко переходит в крайний национализм. Есть основания предполагать, что такие условия у нас сегодня имеются.

Кто-то может заявить, что выборка специалистов, представленных на мероприятиях совещания в Химках, была тенденциозной, однобокой. Увы, нет. Отдельные деятели культуры в последние дни делали подобные заявления, провозглашали свою приверженность именно этой системе ценностей, напоминающей “уваровскую трицу” или лозунги “Союза меча и орала”.

О приближении “нового варварства” нас предупреждали давно. Ещё религиозный философ Николай Бердяев выдвигал идею “нового Средневековья” – этим термином он описывал приближение Второй мировой войны и её возможные последствия. Сегодня тоже никто не сомневается, что мир балансирует на грани мировой войны, и этому положению естественно сопутствует пробуждение воинствующего национализма в разных странах. Но о политическом аспекте мы поговорим в другой раз.

Рубеж

Почему же именно сейчас все ощутили столь острую потребность в том, чтобы сделать выбор? Большинство критиков признало, что водоразделом послужило 24 февраля. Именно последовавшим за этой датой событиям был посвящён круглый стол “Писатель в современной информационной войне”. Работа круглого стола началась с констатации факта, что “всё изменилось” и молодым писателям предстоит понять, “как им быть в изменившемся мире”.

Впрочем, разделение взглядов произошло не по линии “за” и “против” вооружённых действий на территории Украины, а по линии “за” и “вне политики”. Одни утверждали, что горячо (или скрепя сердце) поддерживают происходящее, а другие настаивали, что хотят “просто хорошо писать”, как прежде, и о том, о чём писали прежде, без оглядки на политическую повестку. Однако ещё раз вспомним слова Романа Круглова: отсутствие позиции тоже является позицией.

Желание творить без оглядки на действительность – характерная постмодернистская творческая установка. С другой стороны, в такой ситуации легко сделать неверный шаг, поддаться эмоциям. Так что можно понять осторожность современных литераторов. Молодой писатель из Волгограда Евгений Рыжов признал, что после 24 февраля писатели испытывают замешательство и ощущают потребность в “ревизии своих взглядов и подходов”.

Очевидно, и сами организаторы совещания в Химках не хотели транслировать свои взгляды напрямую, – скорее, замерить “температуру по больнице” и позволить участникам “договориться” самим. Настроения оказались неоднородными, лёгкого и мгновенного согласия достичь не удалось. Но хочется подчеркнуть: если мы слишком долго будем озираться по сторонам и пребывать в растерянности, черты новой эпохи, её направление будут сформированы без нас.